Вэй Ин сидел за письменным столом, сжимая в руке волчью кисть и быстро выводя строки на белоснежной рисовой бумаге. Спустя мгновение он отложил кисть, осторожно подул на еще не высохшие чернила и протянул лист стоящему рядом Цзян Чэну.

— Цзян Чэн, отправь это донесение в императорский дворец Кунсана и передай Мо Юю, — голос Вэй Ина звучал спокойно и твердо.

Цзян Чэн принял послание, мельком взглянул на него, и в его глазах на миг промелькнуло удивление, которое тут же сменилось спокойствием. Он кивнул, показывая, что понял намерение Вэй Ина.

— Хорошо, я как можно скорее распоряжусь, чтобы его доставили, — ответил Цзян Чэн.

Вэй Ин слегка кивнул и принялся приводить в порядок остальные документы на столе. Его движения были изящными и решительными, словно всё происходящее находилось под его полным контролем.

— Тогда нам тоже пора начать подготовку. Через три дня отправимся в Юньмэн, — продолжил Вэй Ин.

Услышав это, Цзян Чэн слегка приподнял уголки губ в улыбке:

— Похоже, в этот раз ты твердо решил забрать супруга наследного принца с собой.

Вэй Ин улыбнулся, и в его глазах отразилась нежность:

— Именно так. Мо Юй теперь взошел на трон, а у Ши Ина в Кунсане больше не осталось родных. Раз уж он вошел в семью Юньмэна, то стал моим единственным супругом на всю жизнь. Я, разумеется, должен забрать его с собой, чтобы он почувствовал тепло дома.

Цзян Чэн смотрел на Вэй Ина, и сердце его переполнилось глубоким чувством. Он знал, насколько сильны были чувства Вэй Ина к Ши Ину, и это решение забрать его в Юньмэн лишь подтверждало, как высоко тот ценил своего супруга и как сильно заботился о нем.

— Хорошо, я пойду распоряжусь насчет всего необходимого, — сказал Цзян Чэн и развернулся, чтобы уйти.

Вэй Ин, словно оберегая редчайшее сокровище, привез Ши Ина в Юньмэн. Цзян Яньли окружила не желающего просыпаться Ши Ина заботой, а Вэй Ин каждую ночь приходил в его покои, день за днем, ни разу не пропустив ни одного вечера.

В тот день Вэй Усянь, как обычно, пришел навестить Ши Ина.

— Приветствую наследного принца! — почтительно склонились слуги у дверей.

Вэй Усянь слегка кивнул и прямиком прошел к кровати, остановив взгляд на человеке, который тихо спал перед ним.

— Как он сегодня? — вполголоса спросил Вэй Усянь.

— Лекарь уже приходил, сказал, что все по-прежнему, никаких изменений, остается только ждать, — в голосе слуги прозвучала нотка бессилия.

Вэй Усянь тихо вздохнул, в его глазах мелькнула тревога. Он молча присел на край кровати, вглядываясь в плотно сомкнутые веки Ши Ина, и прошептал:

— Ши Ин, ну же, просыпайся! Я так хочу, чтобы ты снова открыл глаза и увидел этот мир…

С тех пор как Ши Ин был ранен, жизнь Вэй Усяня стала необычайно однообразной. Помимо решения неотложных дел, он почти все свое время проводил, ухаживая за Ши Ином. Лично давал лекарства, обтирал тело, менял одежду… В каждой мелочи он старался изо всех сил, не зная усталости.

Однако, несмотря на столь тщательный уход, Ши Ин оставался в беспамятстве, что причиняло Вэй Усяню нестерпимую боль и чувство беспомощности. Но он никогда не терял надежды, твердо веря, что Ши Ин обязательно очнется. Дни сменялись днями, а Вэй Усянь продолжал безмолвно охранять покой Ши Ина, ожидая чуда.

Спустя два месяца, ранним утром, Вэй Ин сидел у постели, вглядываясь в Ши Ина, который, казалось, никогда не пожелает открыть глаза. В его взгляде читалась бесконечная печаль и отчаяние.

В эти долгие и безмолвные дни Вэй Ин часто ощущал невыразимое одиночество. В часы досуга он брал сяо, на которой когда-то играл Ши Ин, и начинал тихонько музицировать. Мелодичные, переливчатые звуки словно были самой душой Ши Ина, изливающейся в песне, и Вэй Ин погружался в них, на время забывая о терзавшей его боли.

И все же, стоило ему отложить инструмент и вновь взглянуть на бледное лицо Ши Ина, как прекрасные воспоминания нахлынули вновь. Каждая деталь их совместного прошлого отчетливо всплывала в памяти. Вэй Ин вспоминал все невзгоды, что они прошли вместе, каждое слово, сказанное Ши Ином, каждую улыбку, каждое нежное прикосновение…

Эти воспоминания, словно острые клинки, ранили сердце Вэй Ина, но в то же время дарили утешение. Они напоминали ему: пусть Ши Ин сейчас погружен в сон, их чувства реальны и никогда не угаснут.

Вэй Ин беззвучно играл на флейте, и слезы катились по его щекам. Он надеялся, что Ши Ин услышит эту знакомую мелодию и почувствует его тоску и любовь. Он верил, что если не отступать, однажды Ши Ин откроет глаза и вернется к нему.

— Ши Ин, проснись, пожалуйста. За главным дворцом расцвели цветы сюэханьвэй, встань, посмотри на них, хорошо? Нет… нет, тебе наверняка не нравятся те, что у дворца. Инь-эр, я люблю тебя… Прости меня… Прости, ну проснись же, умоляю.

Вэй Ин говорил слова извинений, и слезы текли по его лицу. Служанка, стоявшая снаружи, увидела эту картину и про себя взмолилась: Прошу небеса, защитите нас, пусть супруг наследного принца поскорее проснется!

В духовном пространстве Ши Ина перед глазами возник свет, и он медленно двинулся навстречу ему. Открыв глаза, он обнаружил, что вернулся во дворец, где жил с матерью. Здесь все было таким знакомым, и Ши Ин замер, впитывая былое тепло.

— Инь-эр… Инь-эр… — раздался нежный голос. Ши Ин обернулся и увидел свою мать, которая с улыбкой шла к нему. Ее образ был таким реальным, будто она никогда не уходила.

Глаза Ши Ина увлажнились, он сделал шаг навстречу матери, желая обнять ее. Но как только он почти коснулся ее, фигура матери внезапно исчезла. Протянутая рука застыла в воздухе, и слезы покатились по щекам Ши Ина.

— Почему? Почему даже просто попрощаться так трудно? — прошептал он. Его сердце разрывалось от боли и тоски.

В этот миг подул ветер, растрепав волосы Ши Ина. Он поднял голову и посмотрел в небо, словно ища что-то. Он знал: хоть матери больше нет, ее любовь навсегда останется с ним. И тут образ матери появился вновь:

— Инь-эр, возвращайся. Возвращайся.

— Матушка, о чем ты? Кто-то ждет Инь-эра!

Ши Ин смотрел, как мать окончательно исчезает, и внезапно очнулся.

Выйдя из покоев, Ши Ин увидел цветущие сюэханьвэй — прозрачные, словно лед, они источали холодный, тонкий аромат. Вэй Ин, увидев, что Ши Ин пришел в себя, вне себя от радости воскликнул:

— Инь-эр! — его улыбка, подобная весеннему солнцу, была теплой и яркой. — Как хорошо… как хорошо, ты наконец проснулся.

http://bllate.org/book/22462/2363019